

Мужество бойца

В сущности, в стремлении к счастью для одного себя есть что-то низменное и непрочное. Лишь с подвига и исполнения своего долга перед народом, зачавшим его на свет, начинается человек и в том состоит его высшее удовлетворение или истинное вечное счастье, которого уже не может истребить никакое бедствие, ни горе, ни отчаяние.

А. Платонов.

* * *

Издали, с дороги, ведущей из Ипатова на Тахту, совхоз «Большевик» не смотрится: сарай, бестолковое нагромождение домов. Во всем блеске он открывается, когда автомашина сворачивает влево, непосредственно в поселок, на просторную и прямую асфальтированную магистраль. Справа и слева цепочкой — столбы с лампами дневного света. Широким бульваром тянутся ряды деревьев. От аллеи бегут асфальтные «ленточки» к стандартным домам из красного кирпича. Там и сям высятся двухэтажные здания — интерната, средней школы, гостиницы.

Две аллеи с портретами лучших людей совхоза сходятся у подъезда конторы, на фронте которой орден Трудового Красного Знамени и выложенные крупными буквами слова: «Государственный племовцезавод «Большевик». У входа слева бросается в глаза обелиск с погрудным барельефом человека. Ниже, на мраморной доске золотом слова:

Здесь в 1931—1939 гг.
работал зоотехник-селекционер
лауреат Государственной премии
К. Д. Филянский
создатель кавказской тонкорунной
породы овец.

Созданный по декрету В. И. Ленина в 1921 году, совхоз «Большевик» стал при Филянском колыбелью ряда методов, проложивших потом торную дорогу в мировом овцеводстве. В 1932 году работники совхоза впервые в мировой практике доставили самолетом семя баранов из украинского питомника

академика М. Ф. Иванова. Впервые в мире здесь с такой огромной нагрузкой использовали баранов при искусственном осеменении: например, в 1936 году семенем шести выдающихся производителей было оплодотворено 12900 овцематок. Впервые в СССР здесь появилась и электрострижка.

В комнате-музее совхоза есть стенд с портретами тех, кто здесь, в глухой Приманычской степи, создавал и пестовал выдающуюся породу овец, творил новое в мировой практике. На этом стенде, в самом центре, портреты двух братьев — Григория и Дмитрия Харечко. Об одном из них — Дмитрие Тихоновиче — этот очерк.

СПОДВИЖНИК ЛАУРЕАТА

Дмитрий пришел в совхоз в 1933 году и относился, конечно, ко второму поколению овцеводов хозяйства, но Филянский сразу же отличил его от других, и причиной тому была изумительная память, отличное знание особенностей и привычек овец, беззаветная любовь к делу молодого чабана.

Уже через несколько лет ему была доверена экспериментальная маточная отара, в которой Филянский вел основную научную работу. Такая же опытная отара у Дмитрия Харечко и сейчас, спустя 30 лет.

— Вот тут любил он сидеть,— говорит мне Дмитрий Тихонович, указывая на диван.— Он тогда уже болел туберкулезом и сильно уставал после осмотра овец.

Помешивая ложечкой чай, Филянский учил почтительно слушав-

шего его украинца-гиганта.

— Как тебе проще сказать?.. Наша цель — на крупную, с хорошим экстерьером фигуру американского рамбулье «надеть» длинную, тонкую, крепкую камвольную шерсть новокавказских мериносов. Порода в основном создана, но совершенствование ее бесконечно. Вот уже сейчас у нас выделено несколько весьма интересных линий...

Филянский отлично понимал значение таких бесед. Будь селекционер семи пядей во лбу, плохой чабан может исказить, растянуть во времени и даже погубить результаты исследования, ибо если он недопоит, недокормит, не уберезет от болезней отару, то ни желательные признаки, ни продуктивность животных не будут формироваться так, как задумал исследователь. Опыт должен быть в чистоте, чтобы ученому ответили лишь те струны невидимого оркестра природы, которые он только и хотел тронуть. По 145—150 ягнят от каждой сотни овец из года в год отбивает Дмитрий Харечко. И каких ягнят: до 40 килограммов весом! Из года в год бригада настригает в среднем от овцы по 8—9 килограммов шерсти. За всем этим не только годы й годы работы, не только работа у Филянского. По закону резонанса родственных душ рабочее исследование, опыт стали особенностью почерка ученика. И это знает нынешний главный зоотехник совхоза Феодосии Антонович Зиненко. Специалист с 40-летним стажем, заслуженный зоотехник РСФСР, он те мне менее считает необходимым завернуть свой «ГАЗ-69» на кошару Харечко: утвердиться в правильности уже принятого решения.

Как-то в адрес племзавода пришло 60 тонн морской водоросли, богатой микроэлементами, так называемой фукусовой крупки. Раздали ее по отарам, объяснили старшим чабанам правила скармливания. Через неделю объехал чабанов главный зоотехник, а ответ всюду один: «Не берут ее овцы!» Тогда-то и направился Феодосии Антонович к

Дмитрию.

— Правильно, не берут, — спокойно подтвердил и прославленный мастер. — Не берут, если просто бросать, как, скажем, соль. Я попробовал по-другому, с комбикормом. И надо мелкими даванками — по 20—30 граммов на овцу. Съедают полностью. Вот о пользе не скажу — надо ставить отдельный опыт...

— Трудно рассказывать о мастерстве Дмитрия Тихоновича, — замечает главный зоотехник. — Все дело в мелочах, порой незаметных для других... Да вот как-то решили мы использовать в качестве холодков лесополосы. В других бригадах стали овец туда загонять, а к Дмитрию приезжаю, — ничего подобного! Почему, спрашиваю. — Нехай у той полоси сыдыть тот, кто это придумав, — отвечает. — Почему? — А там душно, шерсть можно попортыть! — Разобрался я более тщательно и вынужден был согласиться: да, ставить отары можно лишь в прочищенной, хорошо продуваемой лесополосе...

Поезжайте к Харечко в оттепель, он на пастбище овец не погонит — начнут землю с зеленью хватать и тогда, в лучшем случае, жди болезней. Подмерзнет — другое дело. Плох зимой подножный корм — старший чабан держит овец на базу, экономит силы животных. Таких «мелочей» десятки, по ним определяется настоящий мастер.

ПЕРЕД ЛИЦОМ ПРАВДЫ

Откуда берется в человеке трусость перед суровым ликом правды? Возможно, потому, что в течение веков сила была не на его стороне. Социализм — лишь переходная ступень к обществу высшей правды и справедливости — к коммунизму.

И есть еще, к сожалению, люди, которые виляют ради личных благ. Для них это поведение как защитная окраска животных и птиц. Пусть так! Тем большего уважения заслуживают бойцы, отстаивающие правду, не считая загодя потерь. Таков Дмитрий Тихонович Харечко. Может, прямоте его научила

степь. Может, с той высоты, на которую поднял его народ, ему стыдно клониться перед неправдой.

...В мае 1960 года Дмитрия Харечко вызвали к директору совхоза Юрию Петровичу Калинину. Директор молча пожал руку, усадил чабана в кресло.

— Слышал, как Малашенко вознесли?

— Та чув, по радио передавали.

— Так вот, решено немедленно организовать уплотненные окоты и у нас. Я поручаю это тебе, как лучшему чабану совхоза.

Пораженный Харечко поднялся во весь свой богатырский рост, побледнел. Слова ронял тяжело, как гири.

— Элитну овцу губить не буду! Поднялся и Калинин. Слова его прозвучали жестко.

— Мы не начнем, без нас начнут. Теперь все ясно?

— Ось оно як! Ну, что ж, присылайте баранов...

Приезжавших из района и края товарищей водили на осеменительный пункт, показывали трех овцематок, пришедших к окоту за половину месяца. Понимавшие суть дела прятали глаза, не понимавшие сочувственно хлопали по плечу чугунящего от стыда и отчаяния чабана, советовали.

— Ничего, еще придут к окоту. Читай литературу.

Осеменяли отару периодами — с мая по сентябрь. С декабря и до самой весны 1961 года принимали ягнят. На мелких разновозрастных сакманах держали кучу людей, затраты понесли тройные. А отбил Герой Труда от каждых ста овцематок не 140—145 ягнят, как прежде, а 126, и весили те многострадальные ягнята не 36—38 килограммов, а 26.

А вскоре приехал в совхоз Геннадий Иванович Воронов, в то время заместитель председателя бюро ЦК КПСС по РСФСР, и сразу же заявил, что хочет повидаться с Дмитрием Харечко.

Воронов подошел к Харечко, подал руку. Потом Дмитрий Тихонович водил гостей к овцам, и Воронов, сам

крупный специалист овцеводства, так и этак оценивал экстерьер овцематок, разворачивал штапельки руна, расспрашивал добрых полчаса, надо или не надо оставлять переярок, о молочности овец, устойчивости жиропота. О главном спросил неожиданно, словно продолжая прерванный ранее разговор.

— Так как же вы оцениваете уплотненные окоты?

Напряженно ждали ответа руководителя совхоза, зная нрав чабана. Харечко, опустивший было глаза, поднял их и сказал прямо:

— Я оцениваю так: колы есть у государства лышни гроши да люди, то отут им работы на год.

Они говорили еще с полчаса, как специалист со специалистом.

Зимой 1962 года в Ростове-на-Дону проходило совещание работников сельского хозяйства Северного Кавказа. Дмитрий Харечко на него приглашен не был. Но когда совещание уже шло, к кошаре чабана подлетел и круто затормозил «ГАЗ-69». Шофер сказал только одно:

— Требуют немедленно в райком. Больше ничего не знаю. На сборы 10 минут.

Через полчаса уже другая машина мчала его в Ставрополь, еще через три часа он сидел в поезде, а когда вышел на железнодорожном вокзале в Ростове, услышал усиленный динамиками многократно повторявший голос:

— Героя Социалистического Труда Дмитрия Тихоновича Харечко из Ставропольского края просят подойти к дежурному по вокзалу.

А еще через час Харечко рассказывал участникам совещания о своем опыте проведения уплотненных окотов. Руководившие работой совещания Г. И. Воронов и Д. С. Полянский внимательно слушали чабана.

Так начался закат одного из необдуманных увлечений того времени...

— И хорошо! — машет рукой Дмитрий Тихонович. — Наша порода устойчиво дает по 140—150 ягнят, может

давать 160, а у Коржова Ивана Алексеевича было когда-то и 180 на сотню маток. А сколько край получает? По 80—85? Вот вам и уплотнение! Нам сперва надо с умом распорядиться тем, что не требует фокусов. Вот вы еще послушайте, не хватайтесь за карандаш...

ЧАБАН ЖДЕТ ОТВЕТА

Об одной из важнейших проблем, стоящих перед хозяйством, я узнал еще по пути к совхозу от совхозного же шофера. Молодой человек лет 26—27 не докучал разговорами, да, пожалуй, и не думал о них: на узкой и скользкой от грязи ленте асфальта автомашины заносило, и при разездах очень даже просто было удариться или съехать в кювет.

— В чабанах-то, видно, покойнее? — заметил я. — Никогда не тянуло?

— Чего не было, того не было, — обронил шофер, не отводя глаз от дороги.

— Как же так — племзавод на всю страну гремит, а молодежь это не волнует?

— Не я один...

И я узнал от Виктора Криволапова, что из всего их выпуска совхозной средней школы — 22 человека — чабановать не пошел никто. Из парней осталось в родном совхозе пятеро, в том числе трое сейчас работают шоферами, один тракторист и один заведующий мастерской, кстати, сын Григория Тихоновича Харечко, прославленного чабана!

— В чем же дело, Витя?

— Молодежь тянется к культуре, к интересной работе, а что увидишь возле отары?..

Я повторил потом вопрос Дмитрию Харечко. Он не согласился с Виктором:

— Вот она, культура! — кивнул он в сторону телевизионной и радиоантенн. — Электричество — круглые сутки, книга — запишись в библиотеку, танцы — в пяти километрах центральная усадьба. Не в культуре дело! Бегут потому, что тут надо 30 дней в месяц быть, и не оторвешься! Кругом пятидневка, восьмичасовой рабочий

день, — почему же про чабана забыли?.. Если хотят приостановить бегство из овцеводства, надо бригаде дать пять человек. И транспорт чабанам продавать. Ведь вы подумайте! Чабан за свои гроши не может купить мотоцикл с люлькой! А будь тот мотоцикл или автомашина, — вот он и дом рядом, и танцы, и что хочешь!.. Новый директор совхоза Дмитрий Федорович Пушкарный видит кардинальное решение вопроса в создании овцеводческих городков, что, кстати, и рекомендовала сессия ВАСХНИЛ на своем выездном заседании в Ставрополе осенью 1968 года. В таком городке, считает директор, легко можно и удобства для людей создать, и заодно поставить прославленных мастеров руководить двумя-тремя бригадами. Уходит на отдых старая гвардия, а замены-то полной нет!

На этом же стоит и Феодосии Антонович Зиненко:

— Городки можно создать лишь на базе орошаемых многолетних культурных пастбищ, — говорит он. — Воды у нас скоро будет вдоволь. Думаем создать 7—8 городков. К маю уже должны дать землеустроителям окончательное решение по этому вопросу. В районе второй фермы первый такой овцегородок — правда, на три отары — уже приспособляем на базе двух существующих кошар...

— Но ведь на создание городков уйдут годы! Не принять ли, — пусть как временное, — предложение Дмитрия Тихоновича?

— Не спорю, да какие у нас права!? — развел руками Зиненко.

При мне два брата Харечко как-то горячо обсуждали и другую проблему — оптимальное количество овец в племенной отаре.

— 750 голов — дужэ богато, — убежденно заявил Дмитрий. — Надо от силы шестьсот. Считаю в кошаре 1 500 квадратных метров. А оно один инвентарь 200 метров займет, да проходы надо оставить, да ягнят получаем не по 100—110, как там планируют, а по 140—150. Помню, как-то у меня по

случаю оказалось 480 первоокоток. Так ведь я по 148 ягнят от них получив от каждой сотни! Получают и другие чабаны, да ведьдохнут ягнята. Потому что тесно...

Проблемы, проблемы! Не потому ли их так много накопилось у чабанов, что редко к ним навещаются ученые, крупные руководители?

Вот еще одно, что беспокоит прославленных чабанов,— в государственном племенном заводе нет устойчивой кормовой базы. Особенно не хватает белково-витаминных кормов. В плане селекционно-племенной работы Филянского, составленном еще в 1944 году, читаем: перед войной на 36 с лишним тысяч овец в совхозе было семь тысяч гектаров одной люцерны, да суданка на выпас, да кукуруза на силос (да в несколько раз больше, чем сейчас, естественных выпасов, добавим от себя). Сейчас в совхозе 46 тысяч овец, в два с половиной раза больше крупного скота, а люцерны 3450 гектаров, пастбища почти сплошь распаханы. И достаточно было прижать засухе, как в зимовку совхоз вошел с огромным дефицитом сена и силоса. Правда, есть значительное количество зернофуража, но Дмитрий Тихонович сказал на это:

— Дурнэ сало биз хлиба!

В личной беседе со мной директор совхоза сказал так о положении с зимовкой скота — это было в конце года.

— Пятнадцать бригад, где бригадирями молодые, уже пошли вниз. Старики держатся, держатся чудом! Но не знаю...

А не удержатся? Сползет, значит, племзавод с высоты, которую взяли люди вдохновенным и великим трудом? Но, скажите, можно ли так вести хозяйство?

Чабан ждет ответа, и, видимо, ВЦСПС, Министерство сельского хозяйства РСФСР, крайсельхозуправление обязаны его дать. Как тут не вспомнить слова Л. И. Брежнева на октябрьском (1968 г.) Пленуме ЦК: «...Мы еще слабо занимаемся вопросами животноводства,

особенно экономической стороной его развития. Надо принять серьезные дополнительные меры, чтобы до конца устранить имеющиеся недостатки в животноводстве.

Министерству сельского хозяйства СССР вместе с республиками, а также учеными, экономистами, животноводами-практиками, следует разработать конкретные предложения в этом направлении».

Г. Смирнов.